

Докторъ Бирчъ и его молодые друзья.

Фізіологическій эскизь англійской школы, Теккерей.

Современникъ.-- Спб., 1852.-- Т. 33, No 6. Смесь.-- С. 247--268.

OCR Бычков М. Н.

<http://az.lib.ru>

I.

Докторъ и его свита.

Нѣтъ никакой надобности говорить, какимъ образомъ сдѣлался я въ пансіонѣ доктора Бирча его помощникомъ, учителемъ французскаго языка, рисованья и игры на флейтѣ. Ужь вѣрно не безъ причины промѣнялъ я свою прежнюю квартиру близъ Лондона и прекрасное общество на конторку помощника содержателя старой школы въ Родвель-Реджисѣ. Я думаю, что мѣсто помощника за столомъ доктора, вставанье въ пять часовъ утра, прогулки по полямъ съ мальчиками (которые всегда затѣвали со мной какія нибудь продѣлки и никакъ не хотѣли понять моего важнаго и отвѣтственнаго значенія въ школѣ), грубость миссъ Бирчъ, суровая благосклонность Джека Бирча и покровительство стараго доктора, -- я думаю, что все это немногимъ показалось бы пріятнымъ и что это покровительство и эти обѣды иногда было бы очень трудно и не мнѣ проглатывать. Какъ бы то ни было, только я теперь избавился отъ этой должности и надѣюсь, что докторъ Бирчъ найдетъ себѣ гораздо лучшаго помощника.

Джекъ Бирчъ, воспитанникъ оксфордскаго университета, былъ партнёромъ своего отца и занималъ нѣкоторые классы. О познаніяхъ его въ греческомъ языкѣ я не могу сказать ничего, но на латинскомъ языкѣ я ловилъ его безпрестанно. Это былъ самый забавный фанфаронъ (въ особенности онъ важничалъ передъ кузиною миссъ Раби, которая жила съ докторомъ), самый надутый и пустой франтикъ, какого я когда либо видалъ. Бѣлый его галстухъ какъ будто постоянно душилъ его; онъ безпрестанно его поправлялъ и смотрѣлъ на насъ (то есть на меня и на моего товарища Принса), изъ за этой накрахмаленной ограда, съ такимъ видомъ, какъ будто мы были лакеи. Онъ не слишкомъ много трудился въ классахъ и употреблялъ свое время на письма къ родителямъ воспитанниковъ и на сочиненіе наставленій, которыя онъ читалъ дѣтямъ.

Настоящій учитель былъ Принсъ, также изъ Оксфордскаго университета,-- худощавый, высокій и ученый человѣкъ, напичканный бесполезными свѣдѣніями въ греческомъ языкѣ и древностяхъ, необыкновенно кроткій къ маленькимъ дѣтямъ, безжалостный къ шалунамъ и фанфаронамъ, уважаемый всѣми за честность, за ученость, за мужественный характеръ, за умѣнье владѣть собою, что всѣ видѣли и признавали. Джекъ Бирчъ никогда не могъ смотрѣть ему прямо въ глаза. Старая миссъ Зоя никогда не смѣла съ нимъ любезничать. Миссъ Флора называла его лучшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ близорукихъ. Миссъ Раби говорила, что боится его. Бѣдный старикашка Принсъ! сколько пріятныхъ ночей провели мы вмѣстѣ, куря въ докторовой гардеробной, куда мы удалялись, когда мальчики ложились спать и наши дневныя заботы оканчивались!

Послѣ того, какъ Джекъ Бирчъ получилъ въ Оксфордѣ ученую степень -- процедура, стоившая ему величайшаго труда -- школа, называвшаяся прежде просто "школою Бирча", или "пансіономъ доктора Бирча", вдругъ сдѣлалась "Родвель-Реджисскою Коллегіею Архіепископа Вигсби". Старая синяя вывѣска съ золотыми буквами была снята, и ее съ этого времени употребляли на починку голубятни. Бирчъ отдѣлалъ большую классную комнату въ готическомъ вкусѣ, съ статуэтками, и поставилъ посреди школы бюстъ архіепископа Вигсби. Онъ нарядилъ шесть старшихъ воспитанниковъ въ шляпы и мантии, которыя производили большой эффектъ, когда мальчики рыскали по городскимъ улицамъ, но, безъ сомнѣнія, озлобили не одного лодочника, передразнивая его парусъ. Страсть къ академическимъ костюмамъ и постановленіямъ до того овладѣла малымъ, что онъ и меня пытался облечь въ мантию, съ красными кистями и бахрамою, но я рѣшительно этому воспротивился и сказалъ, что учитель чистописаиія не нуждается въ такомъ отличіи.

Какъ же это я позабылъ о самомъ докторѣ? Но что о немъ сказать? Ну, у него была широкая мантия, торжественный видъ, громкій голосъ и важные приемы въ обращеніи съ родителями